

Удивительно, но в читательском восприятии поэтический взлёт 60-80 годов прошлого века означен теми именами, что и сейчас на слуху. Они широко печатались, хотя представлялись гонимыми. И в то же время существовала иная литература, не менее талантливая, но известная узкому кругу. Здесь, конечно, должен быть упомянут СМОГ, где сошлись те, кто безоглядно жил поэзией, оплачивая слово судьбой.

Владимир Алейников зачинал этот Союз, лучше, чем кто-либо другой, знает всё доподлинно о его участниках. Он автор объёмных и уникальных в своём роде воспоминаний. Публикуем его эссе о Леониде Губанове (1946-1983), которого Владимир Дмитриевич причислил к людям с трагической судьбой, подчеркнув: «Но зато это русские люди с небывалой силой духа и по-настоящему талантливые».

Сам поэт Владимир Алейников не только постоянный автор журнала «Дон», но и член нашей редакционной коллегии. Родился в Перми, вырос на Украине. И хотя вроде бы считается москвичом, однако, значительную часть времени проживает в Коктебеле, где его дом и творческая мастерская, ведь он ещё и оригинальный художник.

Главное же – применительно к этому номеру журнала – поэтическое творчество Владимира Алейникова пронизано крымскими мотивами, чему подтверждение его новые стихи.

Виктор Петров

* * *

Гляди-ка в оба, да не сглазь –
Из озарений, из наитий
Она возникла, эта связь, –
Не задевай узлов да нитей.

Из бездны гибельной уйдя,
Она скрепит края столетий –
И только в трепете дождя
Её почует кто-то третий.

Не то сквозь сон она прошла,
Набухнув жилкою височной,
Не то скользнула, как игла,
В укрытье памяти бессрочной.

Песочной струйкою шурша,
Проникла в логово забвенья –
И вот, отвагою дыша,
Судеб распутывает звенья.

Водой проточною струясь,
Она размыла средостенья
И вышла, больше не таясь,
На свет, и с нею – обретенья.

За тканью времени живой
Растенья вздрогнут и воспрянут –
И вскинут вдруг над головой
Свой мир, и ждать не перестанут.

И то и дело, как ни строй
Воздушных замков очертанья,
В единый миг пчелиный рой
Сгустит былые испытанья.

И ты узнал их, видит Бог,
И вновь лицо твоё открыто, –
Они грядущего залог
И настоящего защита.

Для смутного времени – темень и хмарь,
Да с Фороса – ветер безносый, –
Опять самозванство на троне, как встарь,
Держава – у края откоса.

Поистине ржавой спирали виток
Бесовские силы замкнули, –
Мне речь уберечь бы да воли глоток,
Чтоб выжить в развале и гуле.

У бреда лица и названия нет –
Глядит осьмиглавым драконом
Из мыслимых всех и немислимых бед,
Как язвой, пугает законом.

Никто мне не вправе указывать путь –
Дыханью не хватит ли боли?
И слово найду я, чтоб выразить суть
Эпохи своей и юдоли.

Чумацкого Шляха сивашскую соль
Не сыплет судьба надо мною –
И с тем, что живу я, считаться изволь,
Пусть всех обхожу стороною.

У нас обойтись невозможно без бурь –
Ну, кто там? – данайцы, нубийцы? –
А горлица кличет сквозь южную хмуры:
– Убийцы! Убийцы! Убийцы!

Ну, где вы, свидетели прежних обид,
Скитальцы, дельцы, остроумцы? –
А горлица плачет – и эхо летит:
– Безумцы! Безумцы! Безумцы!

Полынь собирайте гурьбой на холмах,
Зажжённые свечи несите, –
А горлица стонет – и слышно впотьмах:
– Спасите! Спасите! Спасите!

Славянский корень, тюркская закваска,
Степная, переимчивая Русь,
Да имени широкая огласка –
Откуда? – разбираться не берусь.

Достаточно почуять на приволье
Неясный зов – откуда он, скажи?
Давно уже чумацкой крупной солью
Засыпаны глухие рубежи.

Чужая кровь – куда она девалась?
Всегда её с избытком было встарь, –
Вот эта почва ею напиталась –
Всех ненасытней жертвенный алтарь.

Вот в этих толпах всё перемешалось –
Откуда в этих лицах, объясни,
Кочевий дух, которым надышались
Когда-то, в незапамятные дни.

Какая сила это замесила,
Расплавил и бросила в леса,
Где финские замшелые светила
Белёные коптели небеса?

Всё это зримо – стало быть, творимо
Доселе с неизведанных времён, –
Я верю, что Москва древнее Рима,
А Киев раньше к жизни пробуждён.

Пусть я вам не нужен сегодня, покуда
Не вспомните сами, что жив,
Пусть ваши гортани столетья простуда
В сплошной превратила нарыв,

Пусть помыслы ваши недобрые скрыты,
А добрые все на виду, –
Сегодня мы с вами поистине квиты,
А прочего я и не жду.

Так спрячьте же толки небрежные ваши
Подальше, до лучших времён, –
Испившему темени горькую чашу
Не место у ваших знамён.

Оставьте всё то, что оставить хотели –
Авось пригодится потом –
Под спудом, – я помню снега и метели,
Обвившие сердце жгутом.

Я помню весь жар этой силы безмерной,
Идущей оттуда, куда
Ведёт меня ввысь из кручины пещерной
Встающая в небе звезда.

А вас, оголтелых, сощурившись гордо,
Пусть ждут на постах ключевых
Сыны Измаиловы – смуглые орды,
Скопленье племён кочевых.

* * *

Лишь глоток – лишь воздуха глоток,
Да от ласки влажный локоток,
Да пора – царица полумира
Под звездой в надменной высоте
Тянет руки в бедной наготе
К двойнику античного кумира.

На лице – смирения печать,
Чтоб судьбу смелей обозначать, –
Подобрать бы камни к фероньеркам! –
С виноградом вместе зреет гром,
Чтобы дождь, поставленный ребром,
Удивил павлиньим фейерверком.

На ресницах – мраморная пыль,
Колосится высохший ковыль,
Да венком сплетается полынным
Эта степь, истекшая не зря
Горьковатым соком сентября,
С шепотком акаций по долинам.

Не найти заветного кольца,
Не поймать залётного птенца –
Улетит с другими он далёко, –
В розовой раковине дня
Слышен гул подземного огня,
Ропот слеп, как гипсовое око.

Станут нити в иглы продевать,
Чтоб лоскутья времени сшивать,
Изумлять виденьем карнавала,
Где от масок тесно и пестро
И пристрастья лезвие остро,
А участия как и не бывало.

Полно вам печалиться о ней,
Круговой невнятице теней, –
Не объять причины увяданья –
И в тиши, растущей за стеной,
Дорогою куплено ценой
Отрешенье – символ оправданья.

* * *

Дыханьем родины мне степь моя верна –
Милее лепета и заповеди строже,
Она дарована, смиренье растревожа,
И нежит жалостью, где дверь отворена,

Погудкой вспархивает, шороху родня,
Звенит над запахами, длительнее эха, –
И в будущем ты ангел и утеха,
Но прожитое ближе для меня.

Мелодии священные ключи
Найдём ли мы к окрестности звучащей? –
И в этой беззащитности щемящей
Не высветлить пред вечером свечи.

Не выстоять пред облаком реке –
И кровью, пробегающей по жилам,
В печали по курганам да могилам
Она воспламенится вдалеке.

Где столько навидался на веку,
Всё чаще око тянется к пернатым,
Привязанным к отеческим пенатам,
И хатам с огоньками к огоньку.

А степи не гадают по руке –
И мгла полынная со временем роднится,
Распахивая нотные страницы,
И смотрит маревом – и, вся накоротке,
Слетает заговором в музыку старинной,
Почти что тайною, где явь твоя – извне,
И в жизни, брошенной былинкой в стороне,
Во притче памяти былинной.

И негде выговорить: милая! – с луною
Ужель найдём прибежище меж нив,
Чтоб, головы повинные склонив,
Нездешней надышаться тишиною,
Иной совсем? – на то она и есть,
Чтоб выговору вечности остаться
И слову прозорливому раздаться –
В нём боль и честь.

И травы горькие мне кажутся добрей,
И странник их, как веру, обретает –
И мнится: нет уже ни снега, ни дождей –
А птицы певчие совсем не улетают.

Лишь затем, чтоб под ветром встать,
Сохраняют деревья силы –
И доспехи роняет рать,
Под корой напрягая жилы.

Желваками бугры вокруг
Перекатываются редко –
Разве кто-то окликнет вдруг,
Под подошвами хрустнет ветка.
Кто земных не носил вериг,
Тот ни вздоха не знал, ни взмаха, –
И закопан по горло крик,
Чтоб не выдал прохожим страха.

Отродясь не увидит тот,
Кто ночного не ведал хлада,
Как из сотов густых растёт
Ощущенье пустого сада.

Под горою приют найди
У реки или чуть поближе –
Если сердце живёт в груди,
Я глаза твои сам увижу.

Хоть слова различи во мгле –
Неужели не понял сразу
Полусонных огней в селе
Фризом вытянутую фразу?

Разгадать бы в который раз
Этой трепетной стон округи! –
Вроде, ты и фонарь припас –
Может, вспомнишь ещё о друге?

Кто птице подскажет, где время искать,
В котором свободно паренье?
Кто пламени сможет впотьмах потакать,
Покуда возможно горенье?

Кто рыбу направит на истинный путь
Меж гибельных рек или в море?
Кто почву прославит, чья щедрая суть
Окажется нужною вскоре?

Кому там покажутся эти слова
Излишними вроде на фоне
Распада и стога всего естества
И боли в гортани и лоне?

Каким же паскудам по нраву разлад,
Хребта и ключиц переломы
У грозной отчизны, что мор или глад
Снесёт, но вздохнёт по-другому?

Какая пылает над нами звезда,
Какие мерцают зарницы?
Эпоха рождается в муках, когда
Не читаны судеб страницы.

Но птица упрямая рвётся в зенит,
И по ветру вьётся косынка –
И кольцами бармица тонко звенит,
И сулица ждёт поединка.

Глаза приподняв непрошено,
Стоишь до своей поры,
Где в самую глушь заброшены
Взъерошенные дворы.

Увенчан листвою редуеющей,
Стоишь, не смыкая век,
Покой прозревая реющий
Над сонным слияньем рек.

Фонарь приподняв над бездною,
Стоишь в тишине ночной,
Поддержанный твердью честною
На шаткой тропе земной.

Всё то, что давно предсказано,
Пронизано до корней
Присутствием горним разума –
И чуешь его верней.

И кто-то с тобой беседует,
Звезду в небесах подняв, –
И что-то отсюда следует,
И знаешь, что сердцем прав.

Рассеяны в мире зёрнами
Все те, кто к тебе добры, –
И травами скрыты сорными
Отравленные пиры.

Засыпаны щели домыслов
Растений пылью сухой,
Привычность побочных промыслов
Гнилою полна трухой.

И рот не криви из прошлого
Среди потайных щедрот –
От зол толкованья пошлого
К истокам запрятан код.

* * *

На листьях виноградных – налёт
Застоявшейся мглы поднебесной, –
Только солнышко слово берёт –
Норовит закрывать ему рот
Непогода с ухваткой известной:

Поскорее успеть заслонить
Просветленье, надежду на чудо,
Направление дум изменить –
И луча напряжённую нить
Бросить с маху в какую-то груду.

Так и в жизни случилось моей:
Сколько раз этот свет прерывали,
Что бывал мне родного родней,
Что питал меня только смелей
В дни, когда мне вздохнуть не давали!

Только душу не вытравить вдруг –
Не затем она в мире желанна,
Чтобы в новый не ринуться круг,
Чтобы речи прекрасный недуг
От невзгод не спасал неустанно.

* * *

Куда заглянули вы нынче, слова? –
Не в те ли бездонные воды,
Откуда вы черпали ваши права
По первому зову свободы?

И что же от ваших стенаний и слёз,
От музыки вашей осталось?
В разомкнутом небе – предчувствие гроз,
А в сердце – простая усталость.

Но смысл ваш подспудный не так уж и прост –
И мы не ему ли внимаем,
Когда норовим дотянуться до звёзд
И рокот морей обнимаем?

В листве и цветах средь биенья лучей,
Украшивших грешную землю,
Я ваше участие ещё горячей,
Ещё откровенней приемлю.

Но с вашей повадкой и с вашей мечтой
Не только улыбки знакомы –
И тот, кто лежит под могильной плитой,
Постиг наважденье истомы.

И я наглядеться ещё не могу,
Как день наклоняется к вишням, –
И век неизбежный в себе берегу,
Чтоб с честью предстать пред Всевышним.